

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Начало
долгого пути

В детстве был я некрасивым
Забиякой
Конопатым.
Прятал камни и рогатки
На скрипучей каланче.
И гулял я по деревне,
На потеху всем ребятам,
С петухом,
Который громко
Пел, встряхнувшись на плече.
Эти строки из поэмы «Рассказ о петухе» написанной Валентином Сорокиным где-то в конце пятидесятых годов. Она была опубликована в первой книжке поэта, вышедшей в 1960 году в Южно-Уральском издательстве.

Зная Валентина на протяжении десяти лет его молодости примерно с 1955 года до его поступления на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. Горького, я верю, что с петухом на плече он действительно любил покрутиться.

Родились мы приблизительно в одной местности Башкирии: он, Сорокин Валентин, сын Васильевич, в Зилаирском, я в соседнем — Баймакском районе. Правда, он свет Божий увидел на четыре года раньше меня. Познакомились мы уже в Челябинске. И свела нас хорошая по тем временам молодежная газета «Сталинская смена». В одном и том же номере ее добрейший редактор Иван Сергеевич Родькин опубликовал подборку стихов Валентина и мой опус — заметки о поэзии литературного объединения металлургов. В его стенах начиналась поэтическая стезя Сорокина. И она была предельно стремительной: 1955 году первые газетные публикации, через пять лет — первый поэтический сборник «Мечта», еще через пять лет — высшие литературные курсы и известность на всю Россию. А между выходом в свет «Мечты» и отъездом в Москву на учебу — хорошие книжки: «Я не знаю покоя», «Мне Россия сердце подарила» и «Ручное солнце».

О российской его известности — не красное слово. «Ручное сердце» выплыло на поэтический небосклон в Москве. А это по тем временам многого стоило.

О верности
дружбе

Славу Богданова Валентин любил по мужски искренне и скупно. Они вместе пришли в литературу, вместе работали на Челябинском металлургическом заводе. Как-то Валентин привел меня в свой первый мартеновский цех, где он «вкалывал» крановщиком. Тогда я впервые познал жар мартеновской плавки. И был поражен тем, что у Валентина хватало сил на ночные бдения над листом бумаги, учебу в школе рабочей молодежи, металлургическом техникуме. «Когда мне исполнилось семнадцать лет, явился я в мартеновский цех к огню. И простоял возле мартена около десяти молодых весен», — писал Сорокин в статье «Вдохновение» («Литературная Россия», 1975 год, 26 сентября).

В семнадцать лет ушел я на огонь
Искать любви,
Признания и славы...

«Уйти на огонь...». Так может сказать только уралец. Искренняя любовь к Уралу, преданность ему осталась у поэта и после учебы в Москве. Окончив Высшие литературные курсы, он возглавил отдел поэзии в журнале «Волга» и поселился на житье-бытье в Саратове. На волжских берегах рождались строки его поэмы «Красный волгарь»:

...И дела мои бескрайны,
Сколько б я ни выбирал.
Только чем-то тайным, тайным
Вдруг поманит на Урал.
То ли стены,
То ли крути.
То ли рябь озерных вод,
То ли силою гремучей
Душу в ключья разорвет?
Пусть иной с ухмылкой влезет
В это чувство, как в беду,
Я заплачу о железе,
О друзьях с ума сойду!

Когда трагически рано ушел в мир иной Вячеслав Богданов, ровесник и поборник поэта, с которым они годы и годы торили одну и ту же дорожку через заводскую проходную, Сорокин горестно писал в стихотворении «Утрата», посвященном памяти друга:

Лунная седеющая прядь
В небесах колышется упруго.
До чего же тягостно терять
Первого товарища и друга.
Будто нашу юность пополам
Черною рукою раскололи.
И уносит ветер по волнам
Горький жар сматения и боли
Вот какая страшная напасть...

И это не одноразовый всплеск души: Славу Валентин помнил и помнит. Впрочем, как и все мы, грешные.

В стихотворении есть и такая строка: «... друзей без боя не сдаю...». Действительно не сдает.

Именно Валентин Сорокин познакомил меня со своим другом Владиславом Машковцевым. Шел 1960 год. У обоих только что вышли их первые поэтические сборники. Радостные лица, радостное застолье... Через много-много лет радость от общения друг с другом не прошла. Вспоминается приезд Валентина Сорокина в Магнитогорск на шестидесятилетие города. Разговорам Валенти-

на и Владилена не было конца. Всюду они рядом, всюду вместе. И не было случая, чтобы по приезде в Москву Владислав не остановился «на постой» у Сорокина.

После смерти Машковцева с изданием его романа «Время красного дракона» возникли затруднения: просто-напросто денег не было. Узнав об этом, Сорокин пишет письмо главе города Виктору Аникину:

— Писатели П. Проскурин, А. Иванов, М. Алексеев, В. Распутин, выдающиеся ученые Литературного института... считают новый роман Владилена Ивановича Машковцева... ярчайшим

теля-фантаста К. Нефедьева? В этом же ряду и приезд Сорокина в Магнитогорск.

Поэма «Рассказ о петухе» была написана в конце пятидесятых годов прошедшего столетия. Вскоре она была опубликована с посвящением мне. В 1968 году поэма переиздается в книге «Разговор с любимой». Посвящение сохраняется. Как и наши дружеские чувства. Они искренни и вечны. И ничто их прервать не может.

И девичьим глазам, которые он заприметил в дни нашей молодости, он остался верен на долгие годы:

сердце подарила...

произведением последних лет, раскрывающим честные натуры уральцев... Нельзя ли поддержать великое дело выпуска романа материально? Роман В. Машковцева «Время красного дракона» — государственный, вечный подарок человеку. Стране и всей русской культуре...

В. Сорокин, проректор Литературного института им. А. Горького, сопредседатель Союза писателей Российской благотворительного фонда им. С. Есенина, лауреат Государственной премии России.

Деньги нашлись. Роман был издан. В далеком 1966 году Валентин Сорокин посвятил Владиславу такие строки:

О море! Пенитное море!
Ты снова буйствуешь, труба.
Какая бодь, какое горе
Сейчас ворочает тебя?
Сверкают волны плавниками
И тучи снизились до гор.
Скажи, с людьми или веками
Ты в эту ночь вступило в спор?..
А ты размашисто и вольно!
А над тобой маяк горит!
И только гулом колокольным
В тебе погилье говорит.

Удивительно емко прописана сущность характера Владилена Ивановича. Нашего общего с Сорокиным друга.

Ныне Валентин вновь на магнитогорской земле. По приглашению металлургического комбината участвует как председатель Союза писателей России в «Ручьевских чтениях», спонсором которых является ММК. И я задаю вопрос: не пора ли рассказать о роли металлургов Магнитки в становлении уважения к литераторам России, начиная от приказа начальника А. Завенягина 31 января 1934 года «О поддержке Магнитогорской литорганизации» до распоряжения генерального директора ОАО «ММК» В. Рашникова о проведении конкурса на приз писа-

Твои глаза такие черные,
Такие черные глаза,
Как будто дремлет в них покорная,
Вконец усталая гроза.

Это чувство не растерял поэт и в восьмидесяти годы, когда при формировании книги «Избранное», вышедшей в «Молодой гвардии» в 1982 году, включил это стихотворение в сборник. Там есть строки, посвященные «...родному коллективу 1-го мартеновского цеха Челябинского металлургического завода».

Для тех, чей день
В заботах многотруден,
Чья совесть
Бескорытием права,
Душа моя
Признательно разбудит
И нежности
И верности слова...

Однажды на занятие литературного объединения пришла Людмила Константиновна Татьяничева, о чем подробно писал Вячеслав Богданов в статье «По ступеням творчества». Она, в частности, сказала:

— Меня радует статья Валентина Сорокина: он умеет горячо, напористо, пусть порой сбивчиво, но знаючи рассказать о своих товарищах по заводу.

Людмила Константиновна, долгие годы работавшая в «Магнитогорском рабочем», затем более пятнадцати лет возглавлявшая челябинскую областную писательскую организацию, своими тактичными, деловыми советами во многом помогала становлению молодого поэта. Впрочем, как и первооткрыватель Марк Соломонович Гроссман, душевно памятный всем, знавшим его. Но прежде всего нам — его ученикам.

Всячески поддерживала Сорокина и Москва. Делами — издавая сборники его стихов, при-

своением престижной по тем временам премии Ленинского комсомола. Словами — через рецензии в прессе. Михаил Львов писал:

— Валентин Сорокин поэт ярко выраженного национального чувства (недаром же родила нас земля башкирская — О. В.), в нем гордо и красиво пылает национальная гордость русского человека — верного своей земле, своим предкам, своему народу, богатству его, щедрости и человечности, поэтому внимательного и чуткого и к другим народам.

Но вернемся к Людмиле Константиновне Татьяничевой. После занятия, мы долго шумной компанией бродили по ночным улицам поселка металлургов. Присев отдохнуть, Татьяничева попросила Валентина почитать стихи. Естественно, свои. А он вдруг начал с Василия Федорова, творчество которого весьма почитала и Людмила Константиновна. Читал страстно, много, на одном дыхании, выдав его поэму «Седьмое небо». Не менее любил Сорокин и поэзию Павла Васильева, прежде всего его крепко сколоченные строки поэмы. Стала для него предметным уроком ручьевская «Любава»...

Мир поэм

Пожалуй, в те годы лишь я знал, что Валентин начал уходить в мир поэм. Подступами к ним можно считать «Рассказ о петухе» и «Обелиски». Словно писалось это не в начале шестидесятых в сборник «Разговор с любимой», а в самом что ни на есть 2001 году. Или такое:

Не просил я передышек никогда.
Хоть немало надо мной гремело бед.
Отделяются летящие года,
Как сгоревшие ступени от ракет.

Это строки из стихотворения «Жагда жизни». В них страсть молодости, неуемность, сознание счастливого дара легко орудовать словом, его выразительными гранями, радость от открытия своих чувств миру.

Эти качества он счастливо перенял у Павла Васильева, Василия Федорова, Бориса Ручьева, Людмилы Татьяничевой, не просто досконально зная их творчество, но и глубоко осязая его. И как же много он читал, этот крановщик из мартеновского цеха. Не раз мы «пешед-ралом» отшагивали путь в десяток километров от центра Челябинска до Металлургического района, где в просторной квартире жил поэт со своим семейством. И в течение всего пути Валентин читал и читал стихи. Не свои. А коллег по поэтическому братству. И запоминал же, черт знает!

Однажды мы сидели за гостеприимным столом Сорокиных. Охотно заглатывали пиво. Когда запасы кончились, послали Богданова с солидным бидоном, литров на десять, в ближайший киоск. А во время его отсутствия решили послушать стихи.

Была пятница. Никто никуда не торопился. Читали час, два, три... Благо сборников было много под рукой. А Богданова все нет и нет. Дочитали, досидели, допили до воскресного вечера.

Невозмутимо появился Слава. Шварк бидон на стол — и эдак небрежно:

— Хватит, чтецы. Угощайтесь тамбовским самогонном.

Оказывается, не найдя пива даже в аэропорту, Богданов отлетающим рейсом «рванул» в родной Тамбов, загрузился первачом и тем же самолетом вернулся за наш стол. А мы читали, читали. И слушали. Время было золотое. Не менее самозабвенно мы и писали, один за другим в большую литературу: Вячеслав Богданов, Александр Куницын, Атилла Садыков...

Форма поэмы все более и более властно влекла в свое лоно Сорокина. Какую из них выделить? «Волгари», «Евпатий Коловрат», «Дуэль», «Дмитрий Донской», «Бессмертный Маршал», «Бунт»?

Я не берусь этого сделать, для меня каждая из них по-своему близка, каждая покоряет своей неповторимостью и авторским родственным отношением к жизни, России.

...Но я кланюсь
Сквозь пасмурь и метель.
Служу России.
Берегу Россию.
И за нее

Иду на дуэли!
— Бережь Россию не устану.
Она — прозрение мое,
Когда умру, то рядом встану
Я с теми, кто берег ее...

— Холмы российские, курганы —
мне плакать хочется навзрыд,
нет, ни один из вас туманом
от взоров наших не закрыт!

И все же поэзию, как и литературу вообще, лучше не цитировать, а читать, чтобы познать себя в мире человеческого бытия...

Вместо эпилога

А пока что Валентин Сорокин по-прежнему... Полон радости наивной
Полон дерзости колючей,
За друзей и за себя я
Постоять всегда готов.
До сих пор,
Как в детстве дальнем,
В жизни сложной и кипучей
Не могу, чтоб не имел я
На пути своем врагов...
По земле большой и доброй
Я спешу без передышки,
Так спешу к мечте заветной,
Что захватывает дух!
Все мне кажется порою,
Будто я
Еще мальчишка,
Будто громко распева
На плече моем петух...

Олег ВИЛИНСКИЙ.